

Грамматика счастья и радости: изменение модели управления

Ольга Игоревна Северская✉

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия
Контакт для переписки: oseverskaya@yandex.ru✉

Аннотация. В статье рассматривается процесс неосознанной архаизации речи, при котором наблюдается спонтанный возврат к «старшей» языковой норме. Автор приводит примеры изменений, затронувших в 2000-х гг. практически все уровни языковой системы, уделяя особое внимание грамматическим архаизмам. В качестве объекта исследования избраны модели управления кратких прилагательных *рад* и *счастлив* и их отклоняющиеся от актуальной литературной нормы варианты. Статья помогает установить, ошибочны они или, напротив, правомерны. Отраженные в статье результаты проведенного корпусного исследования позволяют утверждать, что речь идет о возрождении «старшего» нормативного варианта, который воспринимается как инновация, что, по мнению автора статьи, свидетельствует о спонтанной рекурсии нормы. В качестве предполагаемых причин этого процесса называются: интенсификация информационных процессов с одновременным ослаблением внимания к качеству публикуемых текстов; влияние актуальной поэтической практики осознанной и интуитивной архаизации языка; англоязычное влияние и ошибки переводчиков. В отношении исследуемых конструкций делается вывод об их правомерной разговорности и не столько устарелости, сколько «винтажности».

Ключевые слова: грамматический архаизм, неосознанная архаизация речи, коллокация, модели управления кратких прилагательных, *рад тем что*, *счастлив тому что*, спонтанная рекурсия нормы

Благодарности: исследование проведено на материале текстов Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

Цитирование: Северская О. И. 2025. Грамматика счастья и радости: изменение модели управления // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 11. № 1 (41). С. 6–17. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2025-11-1-6-17>

Поступила 18.10.2023; одобрена 02.11.2024; принята 22.05.2025

Grammar of *shastje* and *radost'*: changing the government model

Olga I. Severskaya✉

Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Corresponding author: oseverskaya@yandex.ru✉

Abstract. This article examines the process of unconscious archaization of speech, in which a spontaneous return to the “older” language norm is observed. The author provides examples of changes that affected almost all levels of the language system in the 2000s, paying attention to grammatical archaisms. The government models of the short adjectives *rad* ‘glad’ and *schastliv* ‘happy’ and their variants deviating from the current literary norm were chosen as the object of study. The research aims to establish whether they are erroneous or, on the contrary, legitimate. The results of the corpus research suggest that the revival of the “older” normative version, which is perceived as an innovation or, in the author’s opinion, a spontaneous recursion of the norm. The supposed reasons for this process include: intensification of information processes with a simultaneous weakening of attention to the quality of published texts; the influence of current poetic practice of conscious and intuitive archaization of language; English-language influence and translation errors. The conclusion suggests that the constructions under study are legitimately colloquial and can be perceived rather “vintage” than archaic.

Keywords: grammatical archaism, unconscious archaization of speech, collocation, short adjectives government models, *rad tem chto*, *schastliv tomu chto*, spontaneous recursion of the norm

Acknowledgements: the research was conducted using The Russian National Corpus (ruscorpora.ru).

Citation: Severskaya, O. I. (2025). Grammar of *shastje* and *radost'*: changing the government model. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 11(1), 6-17. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2025-11-1-6-17>

Received Oct. 18, 2023; Reviewed Nov. 2, 2024; Accepted May 22, 2025

Введение

В конце 1990-х — начале 2000-х гг. начался процесс стихийной «архаизации» речи, проявляющийся в возврате к «старшей» норме буквально на всех уровнях языковой системы. Это касается и лексики (напр., широко распространилось *касаемо* вместо *каса-*

тельно, до 1990-х гг. исключавшееся корректорами как факт просторечия), и фонетики (можно привести в пример характерный для 2000-х гг. возврат к произношению *кр[э]м* при употреблении лексемы *крем* в значении 'косметическое средство'), и — чаще всего — грамматического управления, при котором в речи появляются как минимум «странные» для современного состояния русского языка модели (напр., *интересоваться о ком-то* вместо *кем-то*, *время спустя / спустя время* вместо *какое-либо время* и т. д.). На этом фоне выделяются в избытке встречающиеся сегодня как в письменной, так и в устной речи случаи словоупотребления вроде «Она счастлива тому, что любит и любима» и «Он рад уже тем, что у него есть постоянный заработок». Цель статьи — решить, что это: грамматическая ошибка или грамматический архаизм.

Обзор литературы

История изучения грамматических архаизмов в современной речи позволяет определить теоретическую базу исследования.

Понимание «архаичности» тех или иных элементов языковой системы связывается с представлением о «пассивном» владении языком, проявляющемся в неупотреблении некогда употребительных языковых средств (обзор существующих точек зрения представлен в одной из работ Т. В. Коростелевой [2014]). Как правило, «архаизмами» называются вышедшие из употребления слова и выражения [Ярцева, 1990], однако встречаются и более общие определения, распространяющиеся и на грамматику: «Архаизмы — устарелые для определенной эпохи, вышедшие из употребления языковые элементы (слова, выражения, аффиксы), замененные другими» [Розенталь, Теленкова, 1985, с. 21], и на язык в целом: «Архаизм — особенность формы, конструкции, языка, относящаяся к более раннему периоду, чем тот, в котором они еще употребляются» [Марузо, 1960, с. 39].

На сохранение грамматических форм, со временем исчезнувших и замененных другими, в виде языковых «реликтов» (необъяснимых с точки зрения современного состояния языка, но мотивированных закономерностями его исторического развития) обращает внимание Д. Н. Шмелев [1960, с. 3]: «Грамматические аномалии языка — это почти всегда „осколки“ каких-то былых закономерностей его системы». Грамматические архаизмы, по его наблюдениям, почти всегда идиоматичны, т. е. сохраняются только в определенных устойчивых выражениях: «Закрепленные в них грамматические архаизмы воспринимаются как элементы иной системы языка, они резко отделены от всей совокупности существующих в языке продуктивных и непродуктивных форм» [Шмелев, 1960, с. 6]. Этим мы и будем руководствоваться при поиске корней грамматических отклонений от нормы в избранных для анализа коллокациях.

Примем во внимание также предложенную американским антропологом М. Мид [1988] теорию развития культуры. Она выделяет *постфигуративный* (основанный на трансляции знаний, опыта и ценностей от старших поколений к младшим), *кофигуративный* (при котором вновь полученное знание передается в пределах поколения, но и не освященный вековой традицией опыт современников начинает цениться) и *пре-*

фигуративный (в котором создателем новых знаний, нового опыта и новых ценностей становится молодежь, транслирующая их старшим поколениям) способы ее передачи.

Разделяя эту теорию, В. И. Беликов [2007, с. 49] говорит об известных «откатах» нормы к архаичным этапам. Но особенность современного этапа, как представляется, состоит в том, что возврат к архаике (или, в наших терминах, спонтанная рекурсия литературной нормы [Северская, 2017]) осуществляется с позиций префигуративности: «старшую» норму возрождают молодые, тогда как предшественники придерживаются зафиксированной, но исторически «младшей» нормы. Другими словами, грамматический архаизм воспринимается в этом случае как инновация. Согласимся с В. И. Беликовым в том, что процессы «кофигурации» норм в этом случае обуславливаются резкой интенсификацией информационных процессов, приводящих к большей «публичности» существования нормативных вариантов при одновременном ослаблении контроля качества публичных текстов [Беликов, 2007, с. 39–40]. Способствует этому и отмеченная французским социальным психологом А. Молем [1973] «мозаичность» современной культуры, сложенной из множества фрагментов, в которых нет «точек отсчета».

Возможно, спонтанная рекурсия нормы началась и на фоне поэтической практики. Активное использование архаики в современной поэзии отмечает, в частности, Л. В. Зубова [2000, с. 191]: «Грамматический архаизм оказывается наиболее способным к выражению и пафоса, и иронии, он интертекстуален по своей сущности, он часто является сам по себе готовой цитатой». Если осознанная архаизация языка — следствие выбора средств для решения художественной задачи, то интуитивно создаваемые «псевдоархаизмы», по ее мнению, могут свидетельствовать о неосознанной реконструкции реальных колебаний, имевших место при становлении нормы [Зубова, 2000, с. 194], отражая «конфликт между разными свойствами слова, который и приводил к изменению» [Зубова, 2000, с. 399]. Поэзия, таким образом, способствует регенерации языковых форм, казалось бы навсегда утраченных.

Материал и методы

Материал исследования был собран как в ходе включенного наблюдения, так и корпусным методом — на основе Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) и поиска изучаемых конструкций в открытых интернет-источниках разных речевых жанров. При обработке материала использовались методы сравнительно-исторического, сопоставительного, структурного, корпусного и контент-анализа, а также статистический сервис Национального корпуса русского языка, показывающий распределение словоупотреблений по годам (по состоянию на 05.01.2025). В качестве объекта рассматривались лексико-синтаксические конструкции *счастлив* + Dat. и *рад* + Ins.; предметом исследования была их грамматическая ошибочность/правомерность.

Результаты и обсуждение

Основная гипотеза состояла в том, что исследуемые конструкции свидетельствуют не о распространении ошибочных употреблений, а о спонтанной рекурсии нормы. Отчасти она подтверждалась лексикографическими источниками.

Например, в «Словаре грамматической сочетаемости русского языка» Е. М. Лазуткиной [2012, с. 297] в статье «Счастливым» у кратких форм прилагательного фиксируется управление творительным падежом (*кем-чем*): «Мать счастлива детьми»; «Я счастлив встречей с тобой»; предложным (*в ком — в чем*) — с одушевленным или отвлеченным существительным в функции объекта: «Он счастлив в друзьях, любви и делах»; а употребление с существительным в дательном падеже (*Счастлив своей доле*) признается хоть и нормативным, но устарелым. В словарной статье, посвященной глаголу *радоваться*, приводятся две модели его управления существительными — отвлеченными в функции объекта в дательном падеже, соответствующая актуальной норме: «Вчера болельщики радовались новой победе любимой команды»; «Я радуюсь твоему счастью» — и устаревшая, с существительным в винительном падеже с предлогом *на*: «Она жила тихо, радовалась на внуков» [Лазуткина, 2012, с. 245]; те же модели фиксируются и в большинстве толковых словарей русского языка.

Особое внимание Е. М. Лазуткина обращает на употребление глагола *радоваться* с существительными в творительном падеже: «Мы радовались успехами сына», указывая на его ошибочность и объясняя ошибку контаминацией, влиянием синтаксических свойств тематически близких глаголов типа *радоваться*, *любоваться* [Лазуткина, 2012, с. 246]. Между тем Д. Э. Розенталь [1988, с. 444] в справочнике «Пунктуация и управление в русском языке» не видит в этом случае ошибки и определяет эту модель как устаревшую, подтверждая ее былую нормативность цитатой из Л. Толстого: «И я радуюсь жизнью и больше почти ничего не делаю».

Интересно, что такое управление не представлено ни в «Толковом словаре русского языка», вышедшем в 1935–1940 гг. под редакцией Д. Н. Ушакова, ни даже в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, опубликованном в 1882 г., «реликт» устаревшей нормы в нем представлен в статье «Радость» только в идиоме *чем богаты, тем и рады* [Даль, 1980, том 4, с. 8]. Это может говорить об относительной редкости подобного употребления начиная с конца XIX в.

Грамматические особенности «радости»

Контент-анализ, проведенный на базе НКРЯ, позволяет подтвердить существование «старшей нормы»¹.

К примеру, А. А. Бестужев-Марлинский рассказывает, как «был рад успехом» в деле спасения от казни пленного горца (Аммалат-бек. 1831). Или у М. Д. Скобелева старый артиллерист «любил беседы, рад был хлебом-солью, не забывал и бедных» (Рассказы русского инвалида. 1838–1844). У М. Горького встречается описание младенца — суще-

¹ Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примеры приводятся по Национальному корпусу русского языка (НКРЯ).

ства, «которое долго хотело есть и вот ест, наконец, — ест и радо всеми фибрами своего тела» (Голодные. 1899).

Форма *рад* (*чем-то*) встречалась, постепенно утрачиваясь, до первой трети XX в., ср.: «Но не был он *рад счастьем*, радовался он *поцелуями*, во тьме рожденными *объятиями* и *думами, думами своими*» (И. С. Рукавишников. Проклятый род. 1912); «Я очень *рад днями, проведенными вместе*» (Андрей Белый. Письма В. Э. Мейерхольду и З. Н. Райх. 1926–1932), — но сохранялась в идиоматике.

Поиск в НКРЯ позволяет выделить кроме дошедшей до наших дней идиомы два других устойчивых выражения: *рад радостью* и *рад душою*.

Первое встречается, например, у А. Н. Островского: «Я бы *рад радостью*, да как тятенька позволит» (Не так живи, как хочется. 1854), или у М. Е. Салтыкова-Щедрина, причем в редком дефисном написании: «Ты бы вот *рад-радостью* в чужом саду яблочко съесть, даже и сейчас у тебя от одного воображения глаза враскос пошли — да на тот грех я сам при сем состою!» (Убежище Монрепо. 1878–1879); есть и более поздние употребления.

Второе идиоматизированное сочетание также довольно частотно не только в литературе: «А теперь что?.. в солдаты, что ли?.. Бывало, *рад душой* за своих постоять...» (Г. И. Успенский. Наблюдения одного лентяя (Очерки провинциальной жизни). 1871), — но и в отразившейся в переписке разговорной речи XVIII–XIX вв.:

«Я ем [родственнику] *рад душою*, да жалею о том, что он живет здесь по-пустому уже пять недель... по чести скажу тебе, что не то время теперь, чтоб искать кому-нибудь места (Д. И. Фонвизин. Письма родным. 1763–1774).

«Друг мой сердечный, да я бы *рада душою* если б ты вмешивался в мое хозяйство и требовал бы от меня отчету» (А. Н. Дубельт. Письма к мужу. 1849).

Сохранился оборот и в XX в.:

«— Голуба, — пропел Остап, — ей-богу, клянусь честью покойного батюшки. *Рад душой*, но нету, забыл взять с текущего счета...

Старик задрожал и вытянул вперед хилую свою лапку, желая задержать ночного посетителя.

— Тише, дурак, — сказал Остап грозно, — говорят тебе русским языком — завтра, значит, завтра. Ну, пока!» (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев. 1927).

Вплоть до 1950–1970-х гг. этот оборот употребляют, например, В. Шукшин и Д. Гранин, последний — в составе зафиксировавшей «старшую норму» поговорки: «*Рад бы душой*, да хлеб-то чужой» (Д. Гранин. Искатели. 1954).

С середины XX в. число употреблений конструкции *рад* + *Ins.*, как показывает НКРЯ и интернет-поиск, возрастает, однако творительный падеж отмечается лишь в местоименной части составного союза *то, что* (беспредложное управление кратким прилагательным *рад* существительным в творительном падеже уже не встречается). Вот пара примеров:

«*Рад тем, что* вы все здоровы и что у вас есть что кушать. Сообщаю вам про свою жизнь. Время здесь стоит теплое, печет солнце, самая настоящая весна. Деревья распускают

листья, природа настала — лучше быть некуда. Всё это хорошо, но одно плохо, что война долго не кончается. Я вам высылал посылки, в апреле месяце pošлю еще, если жив буду... » (Письмо с фронта. 1945).

«Витька хоть вслух не хвалил, но был рад тем, что Ивану поддался» (В. Высоцкий. Детская поэма. 1971).

Большинство же случаев обращения к актуально ненормативному варианту приходится на 2000-е гг. и встречается в образцах художественного творчества:

«Я рад тем, что жил,
сотни весен подряд» (В. Рекун. Я создал тебя всю из дыма и грез... Poembook.ru);

«А может, лист не рад тем, что он лист?
Короткий его век (играть на ветке).
Танцующий, веселый, как артист,
Не помнящий, кем были его предки» (Л. Мальцев. А может, лист не рад тем, что он лист... Poezya.ru).

Помимо этого, этот вариант встречается и в обыденной речи: «Я рад тем, что ты есть в моей жизни» (Разговор по телефону. 2015); в социальных сетях: «Подписчик прислал фото из метро. Он очень рад тем, что петербуржцы взялись за голову и заботятся о своем здоровье» («ВКонтакте»); «Я рад тем, что я так редко болею, и не собираюсь что-то в себе менять» («ЖЖ»); на популярных интернет-платформах:

«Кто рад тем, что закончил школу?» (Otvet.mail.ru).

«Я рад тем, что сайт имеет такой успех среди населения, что удалось простым языком рассказать о сложном, а подчас и совсем непонятном даже для специалистов» (Яндекс.Дзен).

«Играем в игры! Донат в описании! Буду рад тем, что вы помогли» (Youtube.com).

В приведенных примерах обращает на себя внимание избыточность местоименной части союза, правильное было бы сказать: рад, что живу, что все здоровы, что редко болею, что петербуржцы взялись за голову, что закончил школу, что сайт имеет успех, что подписчики помогли и т. п. Рискнем предположить, что в данном случае местоимение, выделяющее предмет речи, принимает форму архаичного творительного падежа соответствующего существительного, ср.: рад жизнью, здоровьем, редкими болезнями, благоразумием петербуржцев, окончанием школы, успехом сайта, помощью подписчиков.

Довольно много встретилось примеров, где творительный падеж местоименной части составного союза объясняется аналогией с нормативной формой контекстных синонимов (однородных членов предложения):

«Минувшее столетие не зря окрестили „крейсерским веком“... Я горд и рад тем, что еще застал на плаву крейсера-красавцы „Мурманск“ и „Александр Невский“, что имел счастье выходить на них в море» (ОК).

«Я просто доволен и рад тем, что женился, имею детей, построил дом и посадил дерево. Что служил в армии, окончил вуз и т. д. Можно еще перечислять долго и много. А если мы хотим только гордиться чем либо, тогда лучше гордиться тем, что бог дал нам жизнь» (bolshoyvopros.ru).

Контаминация, о которой пишет Е. М. Лазуткина [2012, с. 246], налицо. Однако вряд ли бы она воспринималась органично, если бы не имела «исторической основы» в виде грамматического архаизма.

Грамматические особенности «счастья»

Разговор о «грамматике счастья» начнем с примера, где нет контаминации, а есть две устарелые, соответствующие «старшей» норме формы:

«Мил пастух и не богат,
Только ж знает то в нем душка,
Сколько счастлив он и рад
Тем, что есть своя пастушка» (В. Тредиаковский. Пастушок довольный. 1752).

Как видим, конструкции *счастлив + S. (Pr.) Ins.* и *рад + S. (Pr.) Ins.* в XVIII в. существовали параллельно.

В XX–XXI вв. грамматический параллелизм отмечается уже в других архаично звучащих конструкциях: *быть полным счастьем / радостью* (при норме *быть полным + S. Gen.*):

«Не противопоставляя неба земле, внутренним чувством зная, что и там, в мирах иных — не бездействие, не сон, а жизнь — здесь, на земле, он полон радостью бытия, ощущает теплоту и вес вещей, наслаждается их близостью ...» (Ю. К. Терапиано. Среди новых книг // Новый корабль. 1927. № 1).

«Однако у Сократа перед смертью вовсе не видно спешки скорее передать слушателям то, чем он полон счастьем ... философии. Поэтому он не нуждается во времени (В. В. Библихин. Язык философии. 1993).

«Она была переполнена счастьем и знала, что и он полон счастьем, и поэтому лицо его так спокойно и серьезно» (А. Н. Толстой. Хождение по мукам. Кн. третья. Хмурое утро. 1941).

Выбор творительного падежа в этих случаях объясняется аналогией с управлением, свойственным глаголу *наполнять(ся)* — *что чем* [Лазуткина, 2012, с. 138].

Впрочем, в НКРЯ зарегистрированы и случаи нормативного употребления краткого прилагательного *счастлив* с дательным падежом, сохранившиеся в первой половине XX в., к примеру:

«Кланяйтесь от меня Пуанкаре, скажите ему, что я счастлив тому, что во все переживаемые нами острые минуты мы так солидарны во всем, что Франция может спокойно рассчитывать на меня во всех вопросах, затрагивающих ее жизненные интересы ...» (В. Н. Ковцов. Из моего прошлого. 1933).

«Вот он сильно сморщил лоб. Вот открыл рот, и я услышал тот самый крик, который приписал дикой цесарке. И мама ласково стала уговаривать нового сына своего, чтобы он перестал плакать. Несколько дней я был рад и счастлив тому, что в нашем доме произошло такое событие» (Е. А. Шварц. Дневник (запись о рождении брата). 1950).

Как ни странно, намного больше случаев обращения к конструкции *счастлив + S. Dat.* в XXI в., когда форма уже была признана устарелой:

«Мне казалось, что моей победе не радовались так, как были бы счастливы золоту Алины [Юлия Барсукова об Олимпиаде 2000 г. в Сиднее]» (Советский спорт. 19.11.2010).

«Марк Цукерберг: Присцилла и я так счастливы появлению на свет нашей дочери Макс» (Коммерсантъ. 03.06.2016).

«Тедеско: Мы счастливы прохождению в полуфинал» (Vesti.ru. 05.03.2020).

«Если ты не против, я была бы счастлива нашему дальнейшему дружескому общению» (Из частной переписки. 2023).

Как можно заметить, беспредложных конструкций немало, но всё же предпочтение отдается коллокациям с составным союзом, вот несколько актуальных примеров из выдачи интернет-поиска:

«Счастливы тому, что у меня есть семья и здоровые родители. Эти маленькие песчинки счастья формируют дюны счастливых моментов и эмоций» (ozdorovme.ru).

«Пожилкой чихуахуа счастливы тому, что хозяева поздравили его с днём рождения» (petprop.cc).

«Мальчик невероятно счастливы тому, что папа забирает его из школы» (onedio.ru).

«Сейчас я думаю, что хорошо, что всё так получилось. Что судьба преподнесла мне такое испытание — быть вдали от тебя год. Целый год! ... Зато я поняла, я смогла осознать, что мне нужно в жизни ... Мне нужен ты! Лишь ты ... и никто другой! ... Счастлива тому, что могу испытывать это чувство!» (prizyvnik.info).

и из соцсетей:

«Счастливы тому, что в составе нашей команды жюри работают действующие артисты сцены, участники телепроектов и настоящие профессионалы!» («ВКонтакте»).

«Ведь есть люди, которые счастливы тому, что прошёл дождь, и в колодце появилась вода, есть люди, которые имеют и дом, и воду, и пищу, но им этого мало, говорят...» («ВКонтакте») и др.

Возможно, причиной такого всплеска стали англоязычное влияние и «трудности перевода». В английском языке *happy* 'счастливый' в определенных контекстах синонимизируется с *glad* 'радостный', а на русский *I'm happy* чаще переводится как 'я счастлив', а не 'я рад'. Вследствие этого *радость* навязывает *счастью* свое управление, а система языка этому не противится — в силу существования нормативного прецедента.

Как бы то ни было, сдвиг нормы в этом случае ощущается носителями языка, а выбор правильного варианта не всегда очевиден. Так, на один и тот же вопрос: «Как правильно: *счастлив(а) тому* или *счастлив(а) тем?*» — сегодня можно получить два разных ответа: «Слово *счастлив* требует формы *творительного* падежа» (Gramota.ru. Вопрос № 299175ⁱ) и «Правильно будет: *он счастлив тому, что ...*» (HiNative.com. Портал для переводчиков).

ⁱ Ответ справочной службы на вопрос 299175: <https://gramota.ru/spravka/vopros/299175> (дата обращения: 04.01.2025).

Заключение

Как можно было заметить, на рубеже XX–XXI вв. изменения в формах управления лексем *радость*, *рад* и *счастье*, *счастлив* в известном смысле идут вспять: «старшая» норма конкурирует с актуальной «младшей» и при этом осознается как инновация. Л. В. Зубова [2000, с. 199, 398], подчеркивая взаимообратимость процессов языкового развития, замечает: «То, что, на первый взгляд, может показаться регрессом, на самом деле оказывается ревизией забытого и нередко его окказиональной реставрацией», с чем трудно не согласиться. Приведенные факты позволяют как минимум поставить вопрос о том, что спонтанная рекурсия литературной нормы основывается на сохранении в языковом сознании говорящих «речевой памяти», закрепляющей прежние состояния языковой системы, так сказать, на «языковом бессознательном». Что же касается конкретных языковых фактов, то коллокации *рад* + Ins. и *счастлив* + Dat. не стоит считать безусловно ошибочными: они, скорее, могут рассматриваться как устарелые, а возможно — и разговорные.

Список источников

- Беликов В. И. 2007. Языковая норма: новые и старые трещины на русскоязычном пространстве // Acta philologica: Филологические записки / гл. ред. М. А. Ремнева. М.: Alma mater. Вып. 1. С. 36–52.
- Даль В. И. 1980. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. М.: Русский язык. Т. 4. 683 с.
- Зубова Л. В. 2000. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М.: Новое литературное обозрение. 431 с.
- Коростелева Т. В. 2014. Архаизмы в системе языка и языковом узусе // Научная мысль Кавказа. № 1. С. 154–159.
- Лазуткина Е. М. 2012. Словарь грамматической сочетаемости слов русского языка. М.: АСТ-Пресс Книга. 352 с.
- Марузо Ж. 1960. Словарь лингвистических терминов / пер. с фр. Н. Д. Андреева; под ред. А. А. Реформатского; предисл. В. А. Звегинцева. М.: Изд-во иностранной литературы. 436 с.
- Мид М. 1988. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / пер. с англ. и комментариев Ю. А. Асеева; сост. и отв. ред. И. С. Кон. М.: Наука. 429 с. С. 322–361.
- Розенталь Д. Э. 1988. Пунктуация и управление в русском языке. Справочник для работников печати. М.: Книга. 544 с.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. 1985. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение. 400 с.
- Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Донина О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. 2024. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. № 2. С. 7–34. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34>

- Северская О. И. 2017. «Через время, через расстояние»: стилистическая ошибка, эллипсис или рекурсия нормы? // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. № 3 (13). С. 145–152.
- Шмелев Д. Н. 1960. Архаические формы в современном русском языке. М.: Учпедгиз. 116 с.
- Ярцева В. Н. (ред.). 1990. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия. 688 с.

References

- Belikov, V. I. (2007). Language norm: new and old cracks in the Russian-speaking space. In M. L. Remneva (Ed.) *Acta philologica: Philological Notes* (Vol. 1, pp. 36–52). Alma mater. [In Russian]
- Dal, V. I. (1980). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language* (Vol. 4). Russkiy yazyk. [In Russian]
- Zubova, L. V. (2000). *Modern Russian Poetry in the Context of the History of Language*. New Literary Review. [In Russian]
- Korosteleva, T. V. (2014). Archaisms in the language system and linguistic usage. *Scientific Thought of the Caucasus*, (1), 154–159. [In Russian]
- Lazutkina, E. M. (2012). *Dictionary of Grammatical Compatibility of Words in the Russian Language*. AST-Press Kniga. [In Russian]
- Maruso, J. (1960). *Dictionnaire des termes linguistiques* (N. D. Andreev, Trans.; A. A. Reformat'skiy, Ed.; V. A. Zvegintsev, Foreword). Izdatel'stvo inostrannoy literatury. [In Russian]
- Mead, M. 1988. Culture and Commitment: A Study of the Generation Gap. In M. Mead, *Culture and the World of Childhood. Selected Works* (Yu. A. Aseeva, Trans., Comm.; I. S. Kon, Ed.; pp. 322–361). Nauka. [In Russian]
- Rosenthal, D. E. (1988). *Punctuation and Control in the Russian Language. Handbook for Press*. Kniga. [In Russian]
- Rosenthal, D. E., & Telenkova, M. A. (1985). *Dictionary-Reference Book of Linguistic Terms*. Prosveshcheniye. [In Russian]
- Savchuk, S. O., Arkhangelskiy, T., Bonch-Osmolovskaya, A. A., Donina, O. V., Kuznetsova, Yu. N., Lyashevskaya, O. N., Orekhov, B. V., Podryadchikova, M. V. 2024. Russian National Corpus 2.0: New opportunities and development prospects. *Voprosy Jazykoznanija*, (2), 7–34. [In Russian]
- Severskaya, O. I. (2017). “Through time, through distance”: stylistic error, ellipsis or recursion of the norm? *Proceedings of the Vinogradov' Institute of Russian Language*, (3), 145–152. [In Russian]
- Shmelev, D. N. (1960). *Archaic Forms in Modern Russian*. Uchpedgiz. [In Russian]
- Yartseva, V. N. (Ed.). (1990). *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Sovetskaya entsyklopedia. [In Russian]

Информация об авторе

Ольга Игоревна Северская, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук, Москва, Россия
oseverskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6277-9756>

Information about the author

Olga I. Severskaya, Cand. Sc. (Philology), Leading Researcher, Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
oseverskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6277-9756>